

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.А. Кутузова

Постсоветская Россия в политическом дискурсе: основные направления интерпретации

УДК 008:34

Довольно часто утверждалось, что Россия не имеет долговременной стратегии развития, что связано с отсутствием единой национальной идеологии. Потеря идентичности породила потребность в ее компенсации. В условиях трансформирующегося общества изменяется содержание, значение, способы передачи культурных ценностей; возникает проблема определения, с одной стороны, характеристик и тенденций переходного общества, а с другой – той новой роли, которую приобретают эти ценности сегодня.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативное пространство, новая русская идеология, идеологическая компенсация, западничество, политическая мифология, национализм, мессианство.

A.A. Kutuzova

Post-Soviet Russia in the political discourse

Quite often it was argued that Russia has no long-term strategy of development, which is connected with the lack of a unified national ideology. Loss of identity has created the need for its compensation. In conditions of a changing society we can observe changes in content, value, ways of transmission of cultural values of the past; the problem of determination, on the one hand, the characteristics and trends of the society in transition, and on the other hand – the new role, which acquires these values today.

Key words: political discourse, communicative space, the new Russian ideology, the ideological compensation, modernisation, political mythology, nationalism, and messianism.

Дискурс как таковой рассматривается как мощный властный ресурс, используемый для осуществления самопрезентации государственных и общественных институтов, конструирования образов реальности, позиционирования определенных субъектов в политическом пространстве. Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта (6:121–122).

В качестве особых дискурсов рассматриваются дискурсы официальных политических церемоний, знаковые системы, в которых отражаются особенности политического режима и через которые власть предьявляет, репрезентует себя (дискурс самодержавной власти, тоталитаризма, демократии) (15). Борьба за ту или иную систему социального поведения, конституируемую определенной системой эталонов и находящую в ней свое отражение, оказывается борьбой за языковые означающие; она принуждает его мыслить и действовать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка задает в качестве значимых» (2:183).

Среди постсоветских политических дискурсов России исследователями особо выделяются «новая русская идеология»; западничество и почвенничество; политический проективизм; «просвещение» и поиск аксиом социальной рациональности; собственно идеологический дискурс; дискурс социального эксперимента, маргинальные дискурсы.

Сегодня в России присутствует задача построения нового, созвучного основным реалиям сегодняшнего дня государства. В связи с этим возникает вопрос о возможности реализации поставленной задачи, наличии необходимых ресурсов, а также пути, по которому пойдет Россия (11).

Одним из вариантов выступает создание модели демократического государства. Но этому, как отмечают публицисты, существует ряд преград, которые делают реализацию данного направления практически невозможной. Отсутствие развитого гражданского общества не способствует закреплению в России либеральных идей. В России всегда была высокая степень огосударствления общественной и личной жизни. И вместе с тем существовавшее в советский период государство имело особенность: человек не был сопричастен с ним, государ-

ство выступало в качестве средства для реализации руководящей роли коммунистической партии, над государством стояла партийная структура (17:50–51).

Второй тезис касается того, что Россия еще далека от западного идеала, «западной мечты». Необходимо и далее развивать только западную модель, оптимально подходящую для всех стран мира, в том числе и России.

Третья точка зрения основана на убеждении, что все политические и социально-экономические трансформации носят лишь поверхностный характер, не затрагивая «глубины народного сознания». Навязывание западной демократии губительно для российского общества (22:335).

Истинная «народная власть» найдет возможность воплощения истинно российского государственного и политического устройства, которое позволит России выйти из затяжного кризиса, преодолеть трудности и снова стать великой державой, способной достойно ответить на вызовы XXI в. (2).

Представленная идея тесно коррелирует с темой имперской России, что связано со стремлением компенсировать все те потери и лишения, которые испытала страна в XX столетии. Тот курс, который на сегодняшний день взят на вооружение властными структурами, как нельзя более точно отражает миф о «Великой державе», которая, несмотря на отсутствие демократических проявлений в политической сфере, в качестве наиболее значимых и первостепенных задач ставит внешнеполитическое могущество, благополучие населения, его социальную защиту и экономическое процветание всей страны. Несмотря на формальное утверждение демократии в России, русская политическая традиция оказывается практически неизменной.

Обращение к теме самодержавно-православного государства наиболее актуально для СМИ, публицистики и иных источников информации в последние годы. Проблема построения нового типа государственного устройства, что особенно актуально в контексте российского политического развития, связана не только с изменением институционального и административного устройства, но и с разработкой новой идеологической доктрины российского государства, которая в первую очередь будет связана с понятием нации (7:92).

Архетипически российское государство рассматривается как ипостась «Святой Руси», воплощение мессианства, особых мистиче-

ских, духовных начал. Это нашло свое выражение в теории «Москва – Третий Рим», связанной с утверждением об историческом предназначении русского народа, «народа-богоносца» (14:58). В XIX в. появляется формула легитимности российского императорского государства – теория С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». В XX в. триада была заменена коммунистической версией «Коммунизм. Партия. Народность». На сегодняшний день тему особой духовной природы государства развивают лидеры и идеологи различных направлений политического спектра России. Среди вариантов триады для новой России можно назвать следующие: «Церковь. Нация. Держава» (В.Л. Махнач), «Духовность. Народовластие. Державность» (Г.В. Осипов) и другие (4:47).

Внимание населения сегодня приковано к теме православия. Этому способствует появление в СМИ, на экранах кинотеатров, на книжных лавках и в общественной жизни людей все большего количества религиозно-православной информации. Можно отметить достаточно большое количество российских кинопремьер. Недавно была выпущена кинотрилогия компании «Мельница»: «Алеша Попович и Змей Тугарин», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Кроме того, выпущен мультипликационный фильм «Князь Владимир». Во всех проектах присутствует православные аспекты, обращается внимание на историю России, ее величие и мировое предназначение. Фильмы «Слуга государев», «1612», «Александр: Невская битва» ознаменовали определенный период в киноиндустрии. Во всех упомянутых проектах православие ставится фактически во главу угла, притом явно прослеживается величие русской православной души, стремление служить своему отечеству. Нельзя не упомянуть и тот факт, что для массовых сцен в фильме «Александр: Невская битва» были приглашены члены реконструкционно-исторических клубов, которые изучают историю России. В СМИ говорилось не только о финансовом поощрении реконструкторов, но и о том, что они рассматривают свое участие как поддержку национальной культуры и историко-культурного возрождения страны.

В своем стремлении создать новую идеологическую основу государство и властные институты стремятся привить обществу ценности «Святой Руси», что выражается, в том числе, и в возросшем количестве реконструкционно-исторических клубов, которые развиваются

непосредственно при поддержке органов государственной власти. К числу подобных клубов можно отнести следующие организации: «Русская Земля», «Спас», «Русское Копье», «Княжеская дружина», «Ратник», «Исток». Немалое внимание к историко-православному прошлому страны уделяется на интернет-форумах, связанных с деятельностью уже упомянутых клубов. К ним относятся www.tgorod.ru, www.tforun.ru, www.gorod-armor.ru и др.

Что касается пути России и ее миссии, то здесь важно отметить огромное количество литературы, выпущенной в последнее время, например, издание «Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России», опубликованное при поддержке фонда «Единство нации». В данной книге главное достижение «свободного западного мира» – демократия – оборачивается, по мнению авторов, своей противоположностью, а свобода западного мира не является свободой для России. Западная цивилизация, несмотря на столь патетичные заявления о своем содействии национально-культурному развитию Европы и Америки, считают авторы, уничтожила европейскую цивилизацию и духовно и физически. Россия же на протяжении своей истории выработала особые принципы построения государственности, которым она должна следовать. Эти принципы следующие:

1. «Государство рассматривалось и должно рассматриваться как «большая семья».

2. «Государственная власть – это особый род служения, родственной монастырскому или воинскому».

3. «Идеал внутригосударственных отношений – симфония властей» (12:210).

По мнению А. Цуладзе, и мифотворцы и мифоборцы используют одну и ту же схему для разрушения или создания мифа о России, которая используется в современном политическом дискурсе и включает в себя миф о народе (характер народа, его миссию, его отношение к другим народам), мифологию прошлого (происхождение народа, галерея героев и злодеев, победы и поражение нации и т.д.), мифологию настоящего (картины окружающего мира, смысл бытия, место человека в социуме, готовность к жертвам ради будущего), мифологию будущего (образ награды за страдания в прошлом и настоящем, образ цели деятельности народа) (22:61).

С точки зрения некоторых авторов, структура национальной мифологии выглядит следующим образом:

- архетип Великой Родины-Матери, символизирующий происхождение и предназначение народа как макросемьи;
- история, абсолютизированная как стержневой сюжет мироздания, и пространство, абсолютизированное как географический центр Вселенной;
- система прецедентных феноменов, которые с помощью архетипического ключа-эталона раскодируют мифологизированный коллективный опыт («должное») и соотносят с ним «желаемое»;
- архетип сверхчеловека-Прародителя, воплощаемый в образе Героя-сверхчеловека, опирающегося на национальную элиту и народные архетипы (20).

Существует программа по созданию национального мифа для современной России, которая включает в себя целый ряд последовательных шагов (10). Первый шаг на этом пути – замена расплывчатого и многозначного понятия «народ» на понятие «нация». Народ – держатель традиции, корней, мифологии; нация – держатель стратегии конкурентоспособного развития государства в современном мире. Второй шаг – это отделение от расплывчатого и порой невнятного понятия «патриотизм» русского национализма, который одновременно должен быть воспринят как нечто противоположное племенному этницизму.

Евразийскую составляющую отмечает и А. Колесников, говоря о том, что у России присутствует геополитический выбор – или она остается евразийской империей, либо превращается в подобие европейской демократии. Правые течения отмечают рождение новой национальной идеи, называя ее «евразийской платформой» и придавая ей статус государственной идеологии современной России (8:362).

Современный национализм – в первую очередь борьба за научно-техническое и промышленное лидерство, требующая жесткого технократического стиля принятия политических решений. Националистическая технократия лучших интеллектуальных слоев общества должна победить космополитическую бюрократию, которая удерживается у власти маргинальными слоями общества, криминальными силами и финансами Запада (13).

Национальная мифологическая составляющая в политическом дискурсивном пространстве выступает неким «иносказательным» представлением иррациональной, нравственной составляющей госу-

дарственного образования, выражением его определенного идеала (16:370). Одним из самых важных мифов в политической жизни общества является миф о герое, который служит средством легитимизации власти того или иного лидера и создания определенного типа. Ярким примером является миф, созданный во время так называемой операции «преемник», связанной с именем ныне действующего президента России В.В. Путина. Путин выступает не как простой человек, которому передали власть и который находится под чьим-либо влиянием, а как экстраординарная личность, способная на великие свершения. Обе линии дают представление о наличии пороговой ситуации, которая обозначает начало новой истории, новой эпохи, которая будет намного лучше предыдущей (23:26).

Формальная структура героического мифа может быть представлена как цепочка повествовательных формул – этапов, через которые проходят все мифические герои. Содержание мифа произрастает из архетипа лидера, представляющего из себя набор качеств, которыми лидер должен обладать в глазах подчиненных, чтобы они поверили и пошли за ним (18:74).

Герой должен сознавать свою миссию, свое особое предназначение, которому он должен следовать («Все это происходило на фоне только что начавшейся агрессии в Дагестане. Я как бы внутренне для себя решил, что все, карьера на этом, скорее всего, закончится, но моя миссия, историческая миссия – звучит высокопарно, но это правда, – будет заключаться в том, чтобы разрешить эту ситуацию на Кавказе») (22:174). Его конечная цель – это возрождение социума, провозглашенная необходимость «зажиточной жизни» для измученной страны. Позиционирование политического лидера как человека, стремящегося привести народ, подобно библейскому Моисею, в «землю обетованную», покончить с внутренними междоусобицами, помогает утвердить в массовом сознании необходимость поддерживать данного политического лидера, идти за ним и верить ему (16:320).

В мифе о Путине-герое прослеживается мотив змееборчества (битва и вооруженная победа героя над змеем – злом). Для героя необходимо уничтожить как внешнего (открытое противостояние), так и внутреннего врага, обладающего змеиными повадками (политический оппонент, предатель, оппортунист (23:75).

Политический миф, имеющий своей главной тематикой историю появления и деятельности героя (политического лидера), является од-

ной из основных составляющих современной политической мифологии России. Благодаря мифу о политическом герое возможна легитимация власти того или иного политического и государственного деятеля. Также данный вид политического мифа делает возможным более или менее легкий переход власти от одного лидера к другому, без особых психологических травм для сознания общества. Примером подобного «безболезненного» перехода власти является приход к власти В.В. Путина и уход от государственной и политической деятельности Б.Н. Ельцина. При изучении политического мифа о герое особое внимание следует уделять цветовой палитре и символике, которая позволяет ассоциировать политического лидера с каким-либо мифическим героем, как, например, в случае приравнивания Путина к св. Георгию, борющемуся со змеем – олицетворением зла. Путин стал «самодержцем» России, ведущим ее к светлому будущему (8: 227).

Переносом образа В.В. Путина на нового главу государства Д.А. Медведева создается новый образ, который, будучи транслируемым в СМИ, накладывается на путинский и тем самым создается видимость преемственности не только политической, но и божественной.

В рамках мифологическо-дискурсивной практики современной России присутствуют две противоположные тенденции. Они связаны с бинарной оппозицией «враг» – «друг» или «плохой» – «хороший» и с использованием так называемой практики внедрения прецедентных феноменов. Сегодня дискуссии о политико-идеологической сущности России связываются с двумя понятийными базами – «самодержавно-православная монархия» и «развивающееся фашистское государство».

Как отмечает Л. Люкс, довольно часто на сегодняшний день поднимается вопрос о сущности государства Российская Федерация. Люкс рассматривает несколько позиций, которые, по мнению исследователя, приравнивают сущность Российской Федерации к сущности Веймарской Германии. После поражения в Первой мировой войне немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Либерализму бросался упрек в равнодушии к морали. Единственным средством, способным облегчить страдания немцев, было мировое господство. Демонизация западных ценностей характерна также и для многих национально-патриотически настроенных кругов постсоветской России. Как и их исторические предшественники, российские нацио-

нал-патриоты отрицают западный универсализм и являются защитниками культурного партикуляризма и особых национальных путей. Видно определенное сходство с судьбой демократов в ельцинской России. Когда Ельцин и его единомышленники в августе 1991 г. выступали не только под демократическими знаменами, но и под национальными (10).

Многие демократы, выступавшие еще до августа 1991 г. за «возвращение России в Европу», после августовских событий заговорили «об особом пути России». Борьба российских демократов в защиту национальных интересов не реабилитировала их в глазах «непримиримой оппозиции». Для национал-патриотов демократы – это в первую очередь разрушители великой империи и агенты западных победителей в холодной войне, создавшие на российской территории антинациональный режим (9).

Как отмечает А. Мотыль, процесс срастания «непримиримой» оппозиции с государственными структурами усилился после прихода Путина к власти, который в глазах многих национал-патриотов является новым «собирателем земли русской». Создается миф, распространяемый также и рядом официозных публицистов, о ельцинском периоде развала и унижения России и о путинском чуде возрождения российской государственности. Отношение власти и СМИ к ксенофобским тенденциям остается неоднозначным. Несмотря на растущее официальное осуждение самых очевидных правоэкстремистских тенденций, представители дружественных по отношению к Путину националистических политических группировок, в первую очередь ЛДПР, остаются за пределами громких антинационалистических кампаний Кремля (1).

Наряду с такого рода тенденциями в публичной политике подобные противоречивые явления имеются в политической публицистике. С одной стороны, часть пропрезидентских кругов форсирует интеграцию России в западные организации. С другой стороны, политико-экспертные дискуссии характеризуются распространенным антизападным, часто обозначаемым как «евразийский, консенсусом, основным содержанием которого является идея о том, что Россия существует как “противовес”» США (21).

Проблема фашизации России рассматривается и обсуждается достаточно активно на сегодняшний день, причем данную тенденцию подогревают в так называемых альтернативных СМИ. В информаци-

онных изданиях стали рассматривать фашизм не только как симптом российского общества, но и как товар на продажу, который со временем может превратиться в государственную идеологию (8:17–28).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Дискурс рассматривается как мощный властный ресурс, посредством которого государственный и общественный институты осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию, конструируют и продвигают определенные образы реальности, позиционируют социальных субъектов в политическом пространстве. Дискурсивное пространство представляет собой определенную систему признанных или непризнанных обществом знаний, образов и символов, определяющих некую модель мышления и поведения. Именно подобную модель в настоящее время пытаются создать ряд политических акторов для определения общего направления дальнейшего развития государства.

1. Motyl A.J. *Surviving Russia's Drift to Fascism*. Сайт. URL. www.henryjacksonsociety.org/stories
2. Базылев В.Н. *Язык – ритуал – миф*. М., 1994.
3. Барт Р. *Мифология*. М., 1996.
4. Василенко А.В. Государственный миф для новой России // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы российской межвузовской научной конференции: 26–27 ноября 1999 г. М., 1999.
5. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. Сайт. URL. <http://www.auditorium.ru/aud/conf/conf44>
6. Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989.
7. Елизарова О. Образы государства и нации в политической культуре современной России // *Pro et Contra*. Т 7. № 3.
8. Колесников А. Государственная монополия на популизм // *Новая русская идеология*. М., 2001. С. 227–229.
9. Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе // *Политические исследования*. 2001. № 2.
10. Люкс Л. Веймарская Россия? Сайт. URL. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss8.html>
11. Македонская Ж.Х. Демократические преобразования в России: есть ли возможность? // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы российской межвузовской научной конференции: 26–27 ноября 1999 г. М., 1999. С. 9.

12. Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России. М., 2005.
13. Мостовая И.В., Скорин А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1995. № 4.
14. Нецветаев В.Г. Возможна ли сегодня русская национальная идея? // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы российской межвузовской научной конференции: 26–27 ноября 1999 г. М., 1999. С. 58.
15. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным мнением. Башкирский государственный университет / г. Уфа. Сайт. URL. www.politscience.ru
16. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. М., 1999.
17. Привалов А. Требуется быть – кем? // Новая русская идеология. М., 2001.
18. Руденко Ю.Е. Миф о герое как основа современных политических мифов // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: материалы российской межвузовской научной конференции: 26–27 ноября 1999 г. М., 1999.
19. Савельев В. Политическая мифология. Сайт. URL. www.savelev.ru
20. Соловей Т. Русские мифы в современном контексте. Сайт. URL. www.tomin.ru.
21. Умланд А. «Неоевразийство», вопрос о русском фашизме и российский политический дискурс Сайт. URL. <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss>
22. Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.
23. Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике. М., 2002.